

Масаев М. В.

доктор философских наук, профессор
кафедры философии и социальных наук,
РВУЗ “Крымский гуманитарный университет”
(Украина, Ялта), mikhail-masaev@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА ПРАВОПОНИМАНИЯ
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
(ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Рассматриваются некоторые философско-правовые проблемы русской философии. Цель исследования – дать оценку фактического отсутствия в русской философии правопонимания.

Направляется вывод о том, что на всём протяжении истории адекватное правопонимание у русской философии отсутствовало.

Поднимая на щит философию Российской империи и белой эмиграции, обслуживающая государства-приказчики олигархата на постсоветском пространстве интеллектуальная элита пытается это отсутствие правопонимания законсервировать. Это нужно олигархам. Народам, терпящим страдания из-за отсутствия адекватного правосознания, это не нужно.

Ключевые слова: русская философия, правосознание, правопонимание.

(статья друкється мовою оригіналу)

*Современное человечество переживает кризис
правосознания
И. А. Ильин [13, с. 218]*

*Идея законности, идея права для русского народа –
бесмыслица
П. Я. Чаадаев [Цит. по: 12, с. 223]*

*Ещё закон не отвердел.
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода
Сергей Есенин*

“Русская философия – сомнительный и ненадёжный союзник в нашей сегодняшней борьбе за право и правовую культуру” [Цит. по: 5, с. 234], – эту мысль высказал более четверти века назад, в 1988 г., советский философ Э.Ю. Соловьёв на страницах журнала “Вопросы философии”.

В разгар “перестройки”, которая, как казалось, укрепит и без того великий и могучий Советский Союз, эта мысль не представлялась актуальной, и на неё не обратили особого внимания.

Сегодня, когда русскую философию (философию Российской империи и её преемников белоэмигрантов) поднимают на щит и в России, и в Украине (в России известный кинорежиссёр Н.С. Михалков даже снял фильм о философе И.А. Ильине) эта проблема начинает приобретать актуальность. Её адекватное разрешение может оказать воздействие на общественно-политическое развитие России и всего постсоветского пространства несоизмеримо большее, чем четверть века назад, в годы безраздельно доминирующей в обществе философии марксизма-ленинизма.

Объект исследования – русская философия (дореволюционная и белоэмигрантская).

Предмет исследования – философско-правовые проблемы русской философии.

Цель исследования – дать оценку фактического отсутствия в русской философии правопонимания.

Горнилом, в котором выковывалось этически беззаветное правосознание, была Западная Европа. И процесс этот начался в XVII веке в ходе борьбы за свободу совести. Таким “апостолом веротерпимости”

как М. Сервет, С. Шатильон (Кастеллион), Л. и Ф. Социны, П. Шаррон, М. Монтень, Р. Браун, У. Пени, П. Бейль удалось найти универсальный нормативный язык, пригодный для всех развивающихся правозащитных движений, начиная с бюргерски муниципальных, завершая фритредерским. В условиях реформации и религиозных столкновений европейцы, разуверившись в человеколюбии каждого из христианских вероисповеданий, как заметил Э.Ю. Соловьёв, “духовно оживали благодаря надконфессиональной идее прав человека” [1, с. 147].

Ничего подобного Россия XVII века не знала. Реформатор Пётр Великий не счёл нужным взять европейскую идею прав человека на вооружение. Он даже не заметил её существования.

Учитывая данное обстоятельство, можно понять смысл удивительной и не понятой современниками реплики, которой эпоха религиозных войн в Европе была удостоена в “Первом философическом письме” П.Я. Чаадаева, названном им “Апология сумасшедшего”: “Пускай поверхностная философия сколько угодно шумит по поводу религиозных войн, костров, зажженных нетерпимостью, – что касается нас, мы можем только завидовать судьбе народов, которые в этом столкновении убеждений, в этих кровавых схватках в защиту истины создали себе мир понятий, какого мы не можем себе даже и представить, а не то что перенестись туда телом и душой, как мы на то притязаем” [2, с. 17–18; 3, с. 30–31].

Как полагает Э.Ю. Соловьёв, “именно эта новая форма нормативного сознания систематически развёртывается философами-новаторами XVII века, превращаясь в теоретическое правопонимание и цивилизованную политологию” [1, с. 148]. В России XVII века об этом не могло быть и речи.

В Европе реформация и религиозные войны привели к свободе совести и теоретическому правопониманию, а также к цивилизованному правосознанию. В России XVII века борьба старой и новой веры таких результатов не имела. Она завершилась вытеснением старой веры из общественной жизни, а правопонимание и правосознание были законсервированы евангельской аксиомой: “Не судите, и не будете судимы. Не осуждайте, и не будете осуждены” (Евангелие от Луки, 6:37) [4, с. 189]. Поэтому на Святой Руси предпочитали судить “не по закону, а по совести”. Но, как свидетельствует история, никакая совесть закона заменить не может.

“Высокие нравственные качества русского народа (его способность к состраданию, любви, прощению, терпению, самоотвержению), – пишет Э.Ю. Соловьёв, – давно получили всемирное признание. Но было бы благодушием не видеть их неприглядной оборотной стороны, а именно давнего и острого дефицита правосознания, который в сфере самих моральных отношений выражал себя, прежде всего, как отсутствие уважения к индивидуальной нравственной самостоятельности (автономии) и как упорное сопротивление идее примата справедливости над состраданием. Высокая нравственная притязательность слишком часто перерастала у нас в моралистическую нетерпимость. Её постоянными спутниками были бестактное доброхотство, общинное инквизиторство и

стремление к принудительному осчастливлению людей по расхожей уравнительной мерке. В периоды социокультурных кризисов дефицит правосознания губил, случалось, самоё нравственность как нравственность” [5, с. 230]. В период социокультурного кризиса после Великой Октябрьской социалистической революции на это обратил внимание известный пролетарский писатель А.М. Горький в своих “Несвоевременных мыслях”. “Её (нравственности – М.М.) место издавна занято холодными “от ума” рассуждениями о правилах поведения, и рассуждения эти, не говоря об их отвратительной схоластике, создают ледяную атмосферу бесконечного, нудного и бесстыднейшего взаимоосуждения, подсиживания друг друга, заглядывания в душу вам косым и зорким взглядом врага... Посмотрите, насколько ничтожно количество симпатий у каждого и вокруг каждого из нас, как слабо развито чувство дружбы, как горячи наши слова и чудовищно холодно отношение к человеку. Мы относимся к нему пламенно только тогда, когда он, нарушив установленные правила поведения, даёт нам сладостную возможность судить его “судом неправедным”... [Цит. по: 5, с. 230–231]. Причём судить не “по закону”, а “по совести”, то есть без суда и следствия. Это и ужасало великого пролетарского писателя после прихода дорогого его сердцу пролетариата к власти.

Такой дефицит правосознания в русском менталитете не случаен – он соответствует дефициту правопонимания в русской философии, тесно связанному, как полагает Э.Ю. Соловьёв, с её “этикоцентризмом и проповедью абсолютно нравственного подхода к жизни” [5, с. 231]. В первобытнообщинном строе, в отсутствие государства и права, регулятором поведения людей была мораль (нравственность). Нормы морали часто называют этическими (от греч. *этнос* – обычай, нрав, характер). С появлением государства и права появляются и права, о которых первобытное общество не знало. В Европе о правах заговорили в эпоху разложения феодализма. В России феодализм в лице абсолютной монархии и помещичьего землевладения просуществовал до 1917 г. (монархия до февраля, а помещичье землевладение до октября).

Поэтому в России после XVII века так и не появились сочинения, которые по типу и масштабу воздействия на общественную мысль можно было бы сравнить с локковскими трактатами о государственном правлении в Англии, с “Общественным договором” Ж.-Ж. Руссо во Франции, с юридическими манифестом “О преступлениях и наказаниях” Ч. Беккариа в Италии, философско-правовыми работами В. Гумбольдта и Г.В.Ф. Гегеля в Германии. Кое-какой публицистический интерес к праву у А.Н. Радищева и Н.М. Карамзина, у декабристов и уже цитированного П.Я. Чаадаева несомненен, но, как совершенно справедливо полагает Э.Ю. Соловьёв, “всё-таки философия права в точном смысле этого слова в нашем культурном наследии попросту отсутствует” [5, с. 231]. Как раз там, где русская философия, выражаясь словами Г.В.Ф. Гегеля, “утверждается в своей собственной стихии”, а стихией этой является именно стихия морально-практического суждения, феномен права

стусевывается и перемещается в некую периферийную и прикладную этическую тему без какого-либо самостоятельного значения. Поэтому-то в России сложилась традиция вопиющей необязательности исполнения законов, которая компенсировала всю их показную строгость, на что обращал внимание крупный администратор Российской империи XIX века, известный писатель-сатирик, М.Е. Салтыков-Щедрин.

Интересно в этом отношении “Оправдание добра” [7] русского религиозного философа, поэта и публициста второй половины XIX века В.С. Соловьёва (1853–1900), первое в России сочинение, где предпринимается попытка мировоззренчески-систематического осмысления юридической проблематики. Просим не путать этого философа XIX века с советским философом века двадцатого Э.Ю. Соловьёвым, которого мы уже цитировали [1; 5]. Русский философ В.С. Соловьёв определяет право как инстанцию “принудительного осуществления минимального добра”, необходимую для того, чтобы “мир”, лежащий во зле, до времени не превратился в ад [7, с. 450]. Эта мысль В.С. Соловьёва не оригинальна. В Западной Европе это толкование права имело широкое хождение в XVI–XVII веках, особенно в протестантских юридических трактатах от Ф.Меланхтона до Хр.Вольфа, обосновавших полномочия неограниченной монархии как “полицейского государства”, существующего ради пресечения порочных, нерадивых и злых. В Западной Европе понимание права на этом не остановилось и ушло далеко вперёд. В России же XIX века оно осталось на уровне европейского XVI века.

В понимании В.С. Соловьёва правовые нормы не имеют никакого отношения к личным и гражданским свободам, записываемым в конституциях. У русского религиозного философа XIX века это просто подвид нравственных норм, а именно простейшие заповеди, запреты (не убий, не обманывай, не укради и т.д.) [7, с. 441–462], поскольку они поддерживаются с помощью государственного насилия и предьявляются подданным в форме того или иного “уложения о наказаниях”. Главную отличительную особенность правовых норм от моральных – наличие государственного принуждения – В.С. Соловьёв не посчитал существенной. А смысла права в защите прав и свобод людей он не усмотрел вообще. Да в условиях Российской империи этого нельзя было заметить по причине отсутствия такого в принципе. У В.С. Соловьёва право получает в итоге откровенно запретительную трактовку.

“Оправдание добра” В.С. Соловьёва открывает возможности для острой этической критики господствующего в России правосудия (подобно той, которую писатель Л.Н. Толстой разворачивает в романе “Воскресение”), но с собственно юридической точки зрения оно (“Оправдание добра”) всё ещё принадлежит культуре традиционных обществ, не проводивших различий между правом и законом, а также законом и полицейским уставом. Вне поля зрения В.С. Соловьёва и всей русской философии XIX века осталось как раз то содержание правовых норм (“строгого права”, “права по понятию”), которое было отвоёвано в Западной Европе в ходе борьбы с авторитарной церковью и абсолютистской государственностью. Имеется в виду

осознание – вначале философское, а затем политико–юридическое и специально–юридическое осознание того, что правовые требования регулируют поведение частных индивидов лишь при условии предварительной законодательной регламентации самой власти. “Развитое право, – пишет Э.Ю. Соловьёв, – по происхождению своему антидеспотично, по конечной тенденции – антитоталитарно. Оно есть самоограничение государства в пользу гражданина, самоограничение, которому государство принуждено долгой борьбой за веротерпимость, за политическую и хозяйственную независимость, за признанную неподопечность каждого подданного” [5, с. 232].

В соответствии с традиционно моральным, а также обыденным и вульгарно–социологическим пониманием, право наличествует всюду, где имеется какой ни на есть государственный карательный закон; право в строгом, теоретико–юридическом смысле существует лишь там, где закон этот сам обслуживает безоговорочное государственное дозволение (“естественные права” в раннебуржуазной трактовке этого термина) и основывается на своего рода контракте о гарантиях, заключенном между властью и подданными (на “первоначальном общественном договоре” в просветительской его версии).

Вышеизложенная моралистическая нечувствительность к этой, конституционно–демократической проблематике права характерна не только для автора “Оправдания добра” В.С. Соловьёва. Эта нечувствительность даёт о себе знать в самых различных направлениях русской философской мысли XIX века, нередко перерастая в высокомерное презрение к новоевропейской политико–юридической культуре, вплоть до того, что западное “право в известных пределах обеспечивает” свободу “быть безнравственным” [7, с. 453].

Резче и определённое других эту моралистическую нечувствительность конституционно–демократической проблематике права выразили в России лидеры славянофильского движения братья И. С. и К. С. Аксаковы, братья И. В. и П. В. Киреевские, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков, В. А. Черкасский и др. В то время как западное человечество, писал К. С. Аксаков, двинулось путём “внешней правды”, путём буржуазно–мещанской “вексельной честности”, конституционализма, юридической справедливости, русский народ сохранил верность “внутренней правде”. Поэтому отношения между государем и народом в России (особенно допетровской) суть отношения отечески–сыновние, основанные на безоговорочном взаимном доверии. “Однако, – рассуждал он, – нам скажут: или народ, или власть могут изменить друг другу. Гарантия нужна!” И отвечал на это: “Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там уже нет добра; и пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет добра, чем стоять с помощью зла” [СМ. : 8; 9].

Западник А. И. Герцен далёк от этой моралистической софистики, превращающей неабсолютное в ущербное и пагубное. Ему претит отчаянная, инфантильно–рабская готовность к доверчивому претерпеванию отеческого деспотизма. Вместе с тем, принимая во внимание русский

политико–юридический опыт, А. И. Герцен точно так же, как и славянофилы, сомневается в осуществимости, а вследствие этого и в самом достоинстве идеала правового государства. “Правовая необеспеченность, искони тяготившаяся над народом, – пишет он о России, – была для него своего рода школою... Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит и нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно, и совершенно так же поступает правительство” [Цит. по: 5, с. 233]. Общественный договор по–европейски – это соглашение подданных и власти об обоюдообязательном основном законе; общественный договор по–русски – это их молчаливый сговор об обоюдной безнаказанности при нарушении закона. Такова прозаически пошлая реальность, отвечающая выпрепленным славянофильским сентенциям относительно бездоговорного доверия государя и народа.

Тем не менее, сознавая эту реальность, А. И. Герцен, как бы подчиняясь отечественной философской парадигме, задаёт риторический вопрос: а не содержит ли российская правовая неустроенность некоторой высшей моральной правды, не указывает ли она на ограниченность, условность, всемирно–историческую призрачность самого нашего устремления к юридически современной государственности? “Это тяжело и печально сейчас, – восклицает А. И. Герцен, – но для будущего это огромное преимущество. Ибо это показывает, что в России позади видимого государства не стоит его идеал, государство невидимое, апофеоз существующего порядка вещей” [Цит. по: 5, с. 233].

У А. И. Герцена создаётся впечатление, что русскому народу не грозит паллиатив конституционно лимитированной, подзаконной и сменяемой власти: он быстрее других вырвется к моральному абсолюту общежития, к безгосударственному и неполитическому общинно–нравственному порядку. Но раз так, то по крупному, философско–историческому счёту вся политико–юридическая культура является для него чем–то излишним. Но раз так, то возможно, что и столь часто порицавшийся политический индифферентизм русского простолюдина, его целомудренная отчуждённость от практики управления должны расцениваться как парадоксальная приуготовленность к будущему. Не о бесклассовом коммунистическом обществе в России мечтал А. И. Герцен, в учении которого, по словам В. И. Леина, “нет ни грана социализма”.

“Возведение беды в добродетель – настоящее проклятие “философствующего русского ума” [5, с. 234], – отмечает Э. Ю. Соловьёв. О парадоксах русской ментальности мы уже писали [10, с. 77–86]. И не приходится удивляться, что Л. Н. Толстой ставит в заслугу своим соотечественникам буквально следующее: “Русский народ всегда относился к власти иначе, чем европейские народы. Он никогда не боролся с властью и, главное, никогда не участвовал в ней. Русский народ всегда смотрел на власть как на зло, от которого человек должен устраняться. Легенда о призвании варягов вполне выражает отношение русских людей к власти. Русский народ в своём большинстве подчиняется власти потому, что всегда предпочитал

подчинение насилию борьбе с ним или участию в нём” [Цит. по: 5, с. 234].

В.С. Соловьёв в “Трёх силах” [11] рассуждает ещё удивительнее, ещё дерзостнее, потрясая сознание цивилизованной европейской личности: “Высший образ раба, в котором находится русский народ, жалкое положение России в экономическом и других отношениях не может служить возражением против её (России – М.М.) призвания, но скорее подтверждает её, ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего” [Цит. по: 5, с. 234].

Конечно же, такая паралогика абсолютно нравственного подхода к жизни, как и стоящая за ней сила, “не от мира сего”. И это не удивительно для религиозного философа В.С. Соловьёва.

Но, по убеждению его однофамильца, советского философа Э.Ю. Соловьёва, эту паралогика “необходимо изжить” [5, с. 234]. Эта паралогика отрывает Россию от “европейских ценностей”, “правового государства” и от концепции “прав человека” и не только “прав гомосексуалистов”, но и от прав человека вообще.

Конечно, если Россия вновь вернется к построению бесклассового и безгосударственного общества, то тогда она сможет обойтись без европейского уровня правопонимания. Но если она будет жить при капитализме, то без европейского уровня правопонимания олигархи просто сожрут её смиренное и безропотное население с потрохами. А пока те же олигархи эксплуатируют себе на пользу отсутствие у российского народа адекватного правосознания для его более эффективного ограбления.

Традиционным отсутствием правосознания российского и советского менталитета попробовал воспользоваться дипломированный юрист М.С. Горбачёв своими разговорами о правовом государстве. Но разговоры эти были не более, чем дымовой завесой противоправных действий по разрушению Советского государства и фашизации режима собственной власти (создания корпоративной палаты съезда “народных” депутатов, выборы главы государства фракцией правящей партии и т.д.), которые проводились, в соответствии с традицией, совсем не “по закону” (выход из СССР союзных республик проходил с вопиющими нарушениями соответствующего Закона СССР), а по контрреволюционной “совести” эпохи перехода человечества от социализма к капитализму, а подхалимствующие историки не стеснялись назвать всё это “реальным усилением власти Советов” [6, с. 285].

Таким образом, можно сделать вывод: на всём протяжении истории адекватное правопонимание у русской философии отсутствовало.

Поднимая на щит философию Российской империи и белой эмиграции, обслуживающая государства-приказчики олигархата на постсоветском пространстве интеллектуальная элита пытается это отсутствие правопонимания законсервировать. Это нужно олигархам. Народам, терпящим страдания из-за отсутствия адекватного правосознания, это не нужно.

Поставленная нами цель, проиллюстрированная словами советского философа, сказанными более четверти века тому назад о том, что “русская философия – сомнительный и ненадёжный союзник в

нашей сегодняшней борьбе за право и правовую культуру”, достигнуто.

Список использованных источников

1. Соловьёв Э.Ю. Феномен Локка / Э.Ю. Соловьёв // Соловьёв Э.Ю. Прошлое толкует нас (очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991. – 432 с.
2. Сочинения и письма П.Я. Чаадаева / под ред. М.О. Гершензона и Г.А. Рачинского. – М., 1913. – Т. 1.
3. Чаадаев П.Я. Сочинения / П.Я. Чаадаев. – М.: Правда, 1989. – 655 с.
4. Новый Завет и Псалтырь. – Wheaton (USA): Slavic Gospel Association, 1990. – 1008 с.
5. Соловьёв Э.Ю. Дефицит правопонимания в русской моральной философии / Э.Ю. Соловьёв // Соловьёв Э.Ю. Прошлое толкует нас (очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991. – 432 с.
6. Родин И.О., Пименова Т.М. Вся история в одном томе / И.О. Родин, Т.М. Пименова. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 336 с.
7. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьёв // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Loseva и А.В. Gulygi; примеч. С.Л. Kravca и др. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 890 с.
8. Аксаков К.С. Записка “О внутреннем состоянии России”, представленная Государю Императору Александру II // Очерк русской философии истории. Антология. – М.: Ин-т философии РАН, 1996.
9. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджеев Валентино / Реферативный сборник. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – Вып. 1, 2.
10. Масаев М.В. Психология и философия русской ментальности в свете публичных лекций “О русском уме” академика И.П. Павлова и концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов / М.В. Масаев // Актуализация русскости как условие образования и воспитания национально-культурной идентичности молодёжи. Материалы международной научно-практической конференции. 22 ноября 2012 г. (г. Симферополь). – Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2013. – 138 с.
11. Соловьёв В.С. Три силы // Соч.: В 2 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – 892 с.
12. Казинов В.В. Загадочные страницы XX века. “Черносотенцы” и революция. – М.: “Прима В”, 1995. – 256 с.
13. Ильин И.А. О правосознании // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю.Лисица; худож. Л.Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 1. – 400 с.
14. Ильин И.А. Кризис демократии обостряется I // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю.Лисица; худож. Л.Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 2. Кн.2. – 480 с.
15. Ильин И.А. Кризис демократии обостряется II // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю.Лисица; худож. Л.Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 2. Кн.2. – 480 с.
16. Ильин И.А. Кризис демократии обостряется III // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю.Лисица; худож. Л.Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 2. Кн.2. – 480 с.
17. Ильин И.А. Основы государственного устройства // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю.Лисица; худож. Л.Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1998. – Т. 7. – 608 с.

References

1. Solov'jov Je.Ju. Fenomen Lokka / Je.Ju. Solov'jov // Solov'jov Je.Ju. Proshloe tolkuet nas (ocherki po istorii filosofii i kul'tury). – M.: Politizdat, 1991. – 432 s.
2. Sochinenija i pis'ma P.Ja. Chaadaeva / Pod red. M.O. Gershenzona i G.A. Rachinskogo. – M., 1913. – T. 1.
3. Chaadaev P.Ja. Sochinenija / P.Ja. Chaadaev. – M.: Pravda, 1989. – 655 s.
4. Novyj Zavet i Psal'tyr'. – Wheaton (USA): Slavic Gospel Association, 1990. – 1008 s.
5. Solov'jov Je.Ju. Deficit pravoponimaniya v russkoj moral'noj filosofii / Je.Ju. Solov'jov // Solov'jov Je.Ju. Proshloe tolkuet nas (ocherki po istorii filosofii i kul'tury). – M.: Politizdat, 1991. – 432 s.
6. Rodin I.O., Pimenova T.M. Vsjia istorija v odnom tome / I.O. Rodin, T.M. Pimenova. – M.: AST: Astrel', 2005. – 336 s.
7. Solov'jov V.S. Opravdanie dobra. Nravstvennaja filosofija / V.S. Solov'jov // Solov'jov V.S. Sochinenija v 2 t. / Sost., obshh. red. i vstup. st. A.F. Loseva i A.V. Gulygi; primech. S.L. Kravca i dr. – M.: Mysl', 1990. – T. 1. – 890 s.

8. Aksakov K.S. Zapiska "O vnutrennem sostojanii Rossii", predstavlenaja Gosudarju Imperatoru Aleksandru II // Oчерk ruskogo filosofii istorii. Antologija. – M. : In-t filosofii RAN, 1996.

9. Slavjanofil'stvo i zapadnichestvo: konservativnaja i liberal'naja utopija v rabotah Andzheja Valickogo / Referativnyj sbornik. – M. : INION AN SSSR, 1991. – Vyp.1, 2.

10. Masaev M.V. Psihologija i filosofija ruskoy mental'nosti v svete publichnyh lekcij "O ruskom ume" akademika I.P. Pavlova i koncepcii paradigmal'nyh obrazov i simvolov jepoh, civilizacij i narodov / M.V. Masaev // Aktualizacija ruskosti kak uslovie obrazovanija i vospitanija nacional'no-kul'turnoj identichnosti molodjozhi. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 22 nojabrja 2012 g. (g. Simferopol'). – Simferopol': Dom Pisatelej im. Dombrovskogo, 2013. – 138 s.

11. Solov'jov V.S. Tri sily // Soch.: V 2 t. – M. : Pravda, 1989. – T. 1. – 892 s.

12. Kazinov V.V. Zagadochnye stranicy HH veka. "Chernosotency" i revolucija. – M. : "Prima V", 1995. – 256 s.

13. Il'in I.A. O pravozoznanii // Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. / Sost. i komment. Ju.Lisica; hudozh. L.F. Shkanov. – M. : Russkaja kniga, 1993. – T. 1. – 400 s.

14. Il'in I.A. Krizis demokratii obostrjaetsja I // Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. / Sost. i komment. Ju.Lisica; hudozh. L.F. Shkanov. – M. : Russkaja kniga, 1993. – T. 2. Kn.2. – 480 s.

15. Il'in I.A. Krizis demokratii obostrjaetsja II // Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. / Sost. i komment. Ju.Lisica; hudozh. L.F. Shkanov. – M. : Russkaja kniga, 1993. – T. 2. Kn.2. – 480 s.

16. Il'in I.A. Krizis demokratii obostrjaetsja III // Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. / Sost. i komment. Ju.Lisica; hudozh. L.F. Shkanov. – M. : Russkaja kniga, 1993. – T. 2. Kn.2. – 480 s.

17. Il'in I.A. Osnovy gosudarstvennogo ustrojstva // Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. / Sost. i komment. Ju.Lisica; hudozh. L.F. Shkanov. – M. : Russkaja kniga, 1998. – T. 7. – 608 s.

Masaev M. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Philosophy and Social Sciences Department of RHEI "Crimean Humanitarian University" (Ukraine, Yalta), mikhail-masaev@yandex.ru

The problem of deficit of comprehension for law and order in Russian philosophy (philosophy and history analyses)

The article examines some of the philosophical and legal problems of Russian philosophy. The purpose of the study is to evaluate the actual absence in Russian philosophy of legal thinking. The conclusion is that throughout the history of adequate legal thinking in Russian philosophy was absent.

Picking up on the shield of philosophy of the Russian Empire and the white emigration, serving the state clerks of oligarchate in the post-Soviet space the intellectual elite tries this lack of understanding conserve. It is necessary for the oligarchs. For the people suffering due to the lack of adequate legal awareness, it is not necessary.

Keywords: Russian philosophy, legal awareness, legal thinking.

Masaev M. V., доктор філософських наук, професор кафедри філософії та соціальних наук, РВНЗ "Кримський гуманітарний університет" (Україна, Ялта), mikhail-masaev@yandex.ru

Проблема дефіциту праворозуміння у російській філософії (філософсько-історичний аналіз)

Розглядаються деякі філософсько-правові проблеми російської філософії. Мета дослідження – дати оцінку фактичної відсутності в російській філософії праворозуміння.

Напрошується висновок про те, що на всьому протязі історії адекватне праворозуміння у російській філософії було відсутнє.

Підіймаючи на щит філософію Російської імперії та білої еміграції, еліта, котра обслуговує держави-прикажчики олігархату на пострадянському просторі намагається цю відсутність праворозуміння законсервувати. Це потрібно олігархам. Народом, котрі терплять страждання за відсутністю адекватної правосвідомості, це не потрібно.

Ключові слова: російська філософія, правосвідомість, праворозуміння.

* * *

УДК 130.2

Микольченко В. С.
викладач кафедри філософії і соціальних наук,
ДВНЗ "Криворізький національний університет"
(Україна, Кривий Пир), mikol-vera@yandex.ru

СТРАТЕГІЯ ГЕРОІКО-ПАТРІОТИЧНОГО ВИХОВАННЯ У ВІТЧИЗНЯНОМУ СОЦІОКУЛЬТУРНОМУ ПРОСТОРИ

Падіння духовно-моральних цінностей, дефіцит патріотичних почуттів у частини населення ставить державу перед необхідністю приділення особливої уваги героїко-патріотичному вихованню молодого покоління. Метою статті є створення нової цілісної системи героїко-патріотичного виховання. В статті обґрунтована необхідність героїко-патріотичного виховання молоді у вітчизняному соціокультурному просторі. Зроблено акцент на ідеологічну складову патріотичного виховання. Визначені основні соціальні інститути, котрі сприяють патріотичному вихованню. Впровадження цілісної системи героїко-патріотичного виховання на державному рівні відкриє нові можливості та перспективи перед молоддю у подальшій розбудові України.

Ключові слова: патріотичне виховання, ідеологія, інституту освіти, інститут сім'ї, інститут релігії.

Кожне суспільство потребує гармонії та стабільності, котрі ґрунтуються на моральних та етичних нормах і цінностях. Носіями даних норм є особистості з високоморальною поведінкою, серед яких чільне місце займають герої. Героїчна особистість представляє собою досконалу в духовному та фізичному сенсі людину, що є прикладом для сучасників, прийдешніх поколінь. Герой потрібен як приклад добра, відваги, сміливості та позитивних цінностей молоді. Сучасне суспільство знаходиться в кризовому стані, викликаному боротьбою раціонального та ірраціонального начал в людині, що потребує переосмислення образу героя згідно з новою суспільною ситуацією.

Формуючи уявлення про шляхи героїко-патріотичного виховання в статті спираємось на погляди знаних українців – В. Мономаха, В. Сухомлинського та інших. Аналізуючи останні дослідження в сфері патріотичного виховання потрібно звернути увагу на теорію виховання в сім'ї П. Щербаня; концепцію змісту патріотичного виховання школярів К. Чорної; стратегію патріотизму як основу сучасного виховання та ідеології держави В. Гонського тощо.

Метою статті є створення нової цілісної системи героїко-патріотичного виховання, яке базується на єдності сімейних, релігійних, освітніх, національних цінностей та сприяє гармонізації відносин між Батьківщиною і особистістю громадянина-патріота.

Українське патріотичне виховання сьогодні набуває особливої актуальності. Задля успішного руху в даному напрямку потрібно сформуванню Державну національну програму, в котрій будуть враховані всі позитивні наукові та практичні напрацювання. Підтримка національного, патріотичного виховання повинна стати основним критерієм формування молоді.

Кожний етап розвитку українського суспільства має своїх героїв, які формувалися під впливом історичних, культурних, ментальних особливостей. Виняткової актуальності сьогодні набуває виховання дітей та молоді на прикладах національного героїзму задля розвитку в них відваги, здатності долати труднощі та робити суспільно значущі вчинки. В наш час, в час розбудови нашої держави в науково-освітньому просторі не приділяється достатньої уваги пошуку героїчних ідеалів, котрі б змогли стати прикладом та життєвим орієнтиром для молодого покоління. Однак,